

№ АНТРАКТЪ 34

Антрактъ выходитъ еженедѣльно. Цѣна годовому изданію (50 №№), съ доставкою на домъ, въ Москвѣ — 3 руб. сер.; полугодному — 1 руб. 50 коп. сер.; на три мѣсяца — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя афиши цѣна годовому изданію — 1 руб. сер. Подписка отъ иногородныхъ принимается только годовая и за пересылку въ другіе города прилагается 1 руб. 50 коп. сер. въ годъ (всего 3 руб. 50 коп. сер.). Срокъ подписки считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписка принимается ежедневно, отъ 8 часовъ утра до 5 часовъ вечера, въ конторѣ типографіи императорскихъ московскихъ театровъ (Г. Рису), у Мясницкихъ воротъ, въ домѣ Воейкова, а также въ книжныхъ лавкахъ обоихъ московскихъ театровъ, въ московскомъ почтамтѣ и въ книжномъ магазинѣ Салаевыхъ на Никольской улицѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: «Двѣнадцатая ночь», *статья Гервинуса*. — Театральныя дѣла, *стихотвореніе*. — Смѣсь (Валетъ. Новыя оперы. Вступленіе въ должность. Петербургскія театральныя извѣстія. Стипейдін. Несчастный случай. Христина Нильсонъ. Продѣлка Соутерна).

Съ этого № «Антрактъ» переходить къ другому изданію, но, оставаясь подъ прежнею редакціею, будетъ издаваться по прежней программѣ и въ прежнемъ направленіи.

ДВѢНАДЦАТАЯ НОЧЬ, ИЛИ ЧТО ВАМЪ УГОДНО.

(извлеченія изъ сочиненія Гервинуса о Шекспировѣ*).

Піеса эта была представлена 2 Февраля 1602 г., какъ это извѣстно изъ дневника одного студента правъ, который говоритъ о представленіи этой піесы и о сходствѣ ея съ «*Менехмами*» Платона и съ итальянскаго піесю «*gl' Inganni*». Такимъ образомъ сочиненіе этой комедіи надо отнести къ 1600 или 1601 году. Шекспиръ не держится строго ни одного изъ тѣхъ источниковъ, которыми онъ пользовался, и заимствованное изъ нихъ содержаніе онъ украсилъ чудными вымыслами своего гения. Комическія частныя части этой піесы принадлежатъ исключительно самому Шекспиру; между тѣмъ, можно думать, что недоразумѣнія между герцогомъ, любящимъ графиню, графиню, любящую пажа, и наконецъ пажомъ, любящимъ герцога, до тѣхъ поръ пока братъ пажа не развѣшиваетъ узда, заимствованнаго изъ разныхъ источниковъ; впрочемъ недоразумѣній, которые происходятъ отъ сходства Себастьяна и Виолы, принадлежатъ самому Шекспиру. Благодаря этимъ послѣднимъ недоразумѣніямъ, дѣйствіе, которое Шекспиръ связываетъ съ приключеніями Андрея и Тоби, получаетъ болѣе полное развитіе, увеличивается живость піесы, ея интересъ и является неожиданная развязка, составляющая рѣзкій контрастъ съ спокойнымъ ходомъ, самою піесы.

Не смотря на ловкое сплетеніе интриги, не въ ней, какъ и вездѣ у Шекспира, заключается главное значеніе піесы. Основнымъ мотивомъ для поэта служилъ вопросъ о томъ, какого рода должно быть свойство любви, которая можетъ такъ легко и естественно разрѣшиться въ

глупую ошибку безвадной страсти. Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ поэтъ въ своей комедіи и такими, образными, объясняетъ намъ исполнѣніе и значеніе самой піесы.

Въ комедіи «Что вамъ угодно» выставлены два слоя общества: съ одной стороны въ ней являються характеры толпо развитые, съ другою — каррикатуры, въ которыхъ человѣческая природа, какъ сорною травою, покрыта пороками. Каррикатурныя лица эти даютъ намъ ключъ къ разгадкѣ болѣе скрытыхъ характеровъ людей высшаго, чѣмъ они, общества.

Дѣйствующіи лица иснаго круга группируются около Мальволио.

Это — парумно-строгий пуританинъ, на что указываютъ уже одиѣго накрестъ завязанныя подвязки; поэтому пѣ дуиѣ своей онъ считаетъ вдвойнѣ дурнымъ требованіе шута, когда тотъ, представляя изъ себя пастора, требуетъ отъ него, чтобы онъ пѣрилъ въ Пизагорова переселеніе душъ. Педантичный, экономный, честный, вѣрвый, важный и благочестивый, этотъ слуга, какъ нельзя болѣе, пришелся ко двору меланхолической Оливии, къ ея наружной строгости; она предпочитаетъ его другимъ слугамъ, а онъ, всѣми силами хлопочетъ ей угодить, старается обратить на путь истинный грубыхъ гулякъ, превращающихъ дворецъ графини въ таверну; его глазъ всюду; Фабіана онъ дошолъ милости графини за какую то медвѣжью траву; капитанъ, спасшій Виолу, только что причалилъ къ берегу, какъ уже Мальволио задержалъ его за ссору. Онъ видитъ, что онъ выше всѣхъ окружающихъ его пѣ домѣ графини, онъ съ презрѣніемъ, свысока смотритъ на этихъ пустыхъ людей, на этихъ Тоби, Фабіана, Марію, преслѣдующихъ его съ самымъ извѣтельнымъ недоброжелательствомъ за его лицемеріе, за его жеманство, за его важничанье. — Онъ болѣе самолюбивъ, говоритъ объ немъ сама графиня. — Онъ ужасно доволенъ собою и считаетъ себя совершеннѣйшимъ пѣымъ возможнымъ совершенствомъ; если графиня упрекаетъ его въ шутку за его пестерливую одежду, онъ и это сочтетъ за ссербанію похвалу. Онъ, свято вѣритъ въ то, что кто на него не взглянетъ, непременно въ него влюбится; поэтому слова плутовки Маріи тотчасъ родили пѣ немъ мысль, что Оливія къ нему неравнодушна. То, что она отвергаетъ такъ упрямо любовь герцога, служитъ для него еще большимъ доказательствомъ, что онъ болѣе, чѣмъ Орсино, удовлетворив-

* «Двѣнадцатая ночь» будетъ представлена въ бенефисъ г-жи Барской, 6 сентября. Слѣдуя принятому нами обычаю, помѣщаемъ предварительно статью Гервинуса объ этой піесѣ. Очень жалѣемъ, что, по недостатку мѣста, мы можемъ воспользоваться этою статью только въ извлеченіи и принуждены опустить вступленіе и историческую часть ея. Ред.

еть ея разборчивому, прихотливому вкусу. Еще прежде, чѣмъ, Марія кладетъ на дорогѣ ему письмо, посредствомъ котораго она хочетъ обратить въ пословицу его крайнее высокомеріе, онъ смотритъ на себя, какъ на человѣка, достойнаго графскаго титула, и постоянно записъ гордыми мечтами. Прочитавъ письмо, онъ уже нисколько не сомнѣвается, что Оливія серьезно ведетъ ему совершенно перемѣвиться и сбросить съ себя смиренную оболочку. Онъ выучиваетъ письмо папзустъ, слово въ слово, и въ точности дѣлаетъ все, что оно велитъ. Счастіе это, въ пристань котораго онъ думаетъ устремиться съ полною безопасностью, онъ считаетъ за непосредственное дѣло заботливости самаго Юпитера объ его высоко уважаемой особѣ. тогда какъ на самомъ дѣлѣ только пустые люди, которыхъ онъ ставитъ, гораздо ниже себя, павели его на этотъ подводный камень, его высокомерія. Такимъ образомъ самолюбіе есть основная черта этого характера; оно выработалось въ немъ даже до высокомерія.

Противоположностью этой каррикатуры является сэръ Андрей. Это печальный образецъ того, чѣмъ былъ бы человекъ безъ самолюбія, хотя и заставляющаго иногда людей дѣлать много глупостей. Для этого костюматого дворянина вся жизнь состоитъ въ ѣдѣ и питьѣ; онъ самъ боится, что овъ ѣстъ много говядины и что это вредитъ его остроумію; дѣйствительно, онъ тупъ до глупости, безъ всякой страсти, а также и безъ всякаго самолюбія, или даже самопознания о себѣ. Онъ смотритъ на неуклюжаго Тоби и на увертливаго шута, какъ на образцы свѣтскихъ манеръ, и хочетъ усвоить себѣ ихъ образъ рѣчи: онъ попугай и совершенно бессмысленное эхо сэра Тоби; онъ думаетъ, что обладаетъ всѣмъ, чѣмъ обладаетъ сэръ Тоби; онъ вторитъ взору, который болтаетъ этотъ человекъ, онъ обезьянничаетъ этого сэра, не понимая только самъ того, что болтаетъ вслѣдъ за нимъ. Вѣтренный Тоби представляетъ его, какъ жениха, Оливія для того, чтобы между тѣмъ имѣть возможность опоразивать его кошелькъ, но самъ бѣдный женихъ не вѣрится успѣху и все собирается уѣхать. Онъ отчаявается въ своихъ вѣвшихъ достоинствахъ и у него ва лбу выступаетъ холодный потъ, когда ему приходится имѣть дѣло даже съ горничной. Хотя онъ даже и говоритъ сэру Тоби, что Марія однажды обожала его, но въ то время, какъ онъ говоритъ это, на его глупомъ лицѣ видно, что онъ совершенно объ этомъ и не думаетъ. Овъ нискогда не мечталъ о томъ, чтобы кто нибудь обратилъ на него серьезное вниманіе; недовѣрчивость къ себѣ въ немъ такъ велика, какъ мама она въ немъ по отношенію къ другимъ. Если Тоби старается представить и ему самому и другимъ, что онъ и знатокъ языковъ, и свѣтскій человекъ, и музыкантъ, и тавовщикъ, и мастеръ драться на рапирахъ, то это возбуждаетъ его на мигу самого порисоваться послѣ того, какъ его соблазнитель впртивъ его воли, увлекаетъ его къ вину. Нельзя грубѣе пасмѣхаться надъ крайнимъ убожествомъ, чѣмъ это дѣлаетъ Тоби, когда съ упрекомъ спрашиваетъ Андрея: «Рядомъ стоявши, какъ ты ходишь, держатъ подъ судомъ свои довербыватели Марію и Тоби Шалло изъ Генриетты IV и какъ по крайней мѣрѣ нишуу

хвастовства, котораго все таки похожа на чувство собственнаго достоинства, но Андрей даже и съ Шалло не можетъ сравниться, хотя такъ же, какъ и онъ, имѣетъ страсть къ медвѣжьей травлѣ. Въ той ссорѣ, до которой его доводятъ, выказываются еще болѣе его апатія и трусость и если бы не мѣшала ему его менторъ Тоби, его мужество склонилось бы и передъ жепственно-юнымъ мальчишкомъ Біололю: его смѣлостъ достигаетъ высшей степени относительно Мальволю: онъ хочетъ послать ему вызовъ и потому не сдерживать слова! Этотъ, храгонѣнный человекъ, о которомъ Тоби говоритъ, что у него крови не болѣе того, сколько комаръ, можетъ унести на хвостѣ, является безотрапнымъ и безпадежнымъ жепихомъ (точно такъ же, какъ и Мальволю съ своимъ высокомеріемъ), особенно при совершенномъ недостаткѣ всего того, что пазывается любовью, самолюбіемъ или взаимною любовью.

Новымъ, тонкимъ и вполне выдержаннымъ контрастомъ двумъ описаннымъ лицамъ является третье лице сэра Тоби, который пользуется отъ своего пріятели и его деньгами и его лошадей въ то время, какъ онъ его вопитъ, приimanую руки своей племянницы. Пьяница, грубый реалистъ самаго обыкновеннаго сорта, онъ все таки обладаетъ хитростью видѣть насквозь слабости окружающихъ его людей; грубый и невѣжливый въ сноенъ обхожденіи, онъ все таки обладаетъ свѣтскими манерами въ такой степени, что покоряетъ ими себѣ Андрея: достаточно патный, онъ обращаетъ домъ Оливія въ таверну и не обращаетъ вниманія, когда ему указываютъ двери. Во всякомъ случаѣ онъ умѣетъ держать себя на хорошей ногѣ съ домашнею прислугою. На заносчивое тщеславіе Мальволю онъ не обращаетъ вниманія и смотритъ съ грубою гордостью не только на Андрея и Мальволю, но и на шута, и на Оливію; только объ одной Маріи, которую онъ считаетъ превосходящею его въ находчивости, онъ думаетъ, что она его обожаетъ. Его эгоизмъ проявляется почти такъ же, какъ и у Фальстафа, который смотрѣлъ на нйшихъ въ сравненіи съ нимъ людей, какъ на свою естественную добычу; онъ смотритъ на слабости другихъ, только какъ на матеріалъ для выдѣлыванія плутовскихъ или пасмѣшливыхъ шутокъ. Въ этомъ превосходитъ его и обождаетъ Марія, съ которою онъ вступаетъ въ общій заговоръ противъ Мальволю; она легко и шутиа опутываетъ его; маленькій паукъ, ловитъ себѣ добычею большую муху: Тоби готовъ жевиться на Маріи. Фальстафъ своимъ чрезмѣрнымъ чванствомъ забирается высоко и терлетъ свою воображаемую падежду; Тоби съ грубымъ высокомеріемъ смотритъ ва окружающихъ его и дѣлается на половину протявъ юни неожиданно добычею хитрой служанки.

Каррикатуры въ этой комедіи сопоставлены съ болѣе возвышенными характерами, хотя тоже не лишеными недостатковъ; вся разница между недостатками тѣхъ и другихъ заключается только въ томъ, что въ лицахъ каррикатурныхъ, они, подобно дикому растенію, роскошно разрастаются въ странные образы, а въ характерахъ болѣе возвышенныхъ, они, подъ покровомъ болѣе тонкаго обмана, скрываются строгими, незамѣтными по наружности. Но и въ этой комедіи, въ которой такъ много смѣшного, обра-

зомъ несутся мысли Мальволио, прикованы также взоры и сердце герцога Орсино, человека, отличающегося большими достоинствами и преимуществами. Сама Оливия, холодно встречающая его любовь, пахотитъ его добродѣтельными, смѣлыми, учеными, храбрыми, красивыми и богатыми. Его душу, пылающую любовью къ Оливии, повидному, движетъ глубокое чувство святой пѣвности и искренности. Погруженный въ уныніе, онъ убѣгаетъ всякаго шума во всемъ его окружающемъ; охота и другія забавы ему падоули; перемѣнивый и прихотливый во всемъ, онъ, кажется, хочетъ оправдать это непостоянство продолжительностью своей любви. Доставить ей тончайшую и сильнѣйшую пищу—потъ единственная цѣль его дѣятельности, и для этого-то онъ ищетъ удивленія въ природѣ, слушаетъ музыку. Изъ дома графини онъ зазываетъ къ себѣ шута, который своимъ звучнымъ голосомъ поетъ ему пѣсни о безнадежной, отверженной любви. Мгновенная поэтическая натура герцога съ помощью пѣвнаго чувства сдѣлала что то въ родѣ вародной пѣсни изъ его обращеній къ любимцу Цезарію, что-то столь изысканное и имѣетъ столь простое, что только можетъ создать лирическая сила любви; онъ наслаждается до пресыщенія этими пѣвными, задушевными напѣвами, которые раздаются словно эхо самого сердца. Это стремленіе дойти до крайности въ своей любви, въ своемъ уныніи и во всѣхъ своихъ склонностяхъ, которые впрочемъ однородны и соединяются въ немъ съ господствующею страстью, проявляется во всемъ, что герцогъ дѣлаетъ и говоритъ. Желанія преслѣдуютъ его, какъ псы, и травятъ его до утомленія; онъ любитъ, какъ говоритъ его посланный, —

«Съ потокомъ слезъ,
«Съ благоговѣніемъ, съ огнемъ молитвы,
«Со вздохами, звучащими въ громахъ любви».

Онъ самъ называетъ свою любовь благородною, какъ свѣтъ; онъ сравниваетъ ее съ ненасытнымъ моремъ; никакая другая любовь, а еще менѣе любви женщины, не похожа на нее; онъ всюду выставляетъ ее напоказъ и передъ музыкантами, и передъ своей свитой; моряки говорятъ о ней. Такая наклонность къ преувеличенію побуждаетъ насъ ближе взглянуть въ неподдѣльность этой неподдѣльнѣйшей любви. Почти кажется, что или герцогъ болѣе влюбленъ въ самую любовь свою, чѣмъ въ свою возлюбленную, или онъ свою безплодную страсть болѣе питаетъ въ своемъ воображеніи, чѣмъ въ сердцѣ, то есть, что его любовь болѣе пороженіе фантазіи, чѣмъ истиннаго чувства. Віола говоритъ ему, что у мужчинъ любовь болѣе на словахъ, что они болѣе коварны и кланутся, что они больше увѣряютъ въ ней, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ; ее чувствуютъ, что они богаты въ увѣреніяхъ и бѣды въ любви. Оливия должна видѣть это во всемъ настоящимъ ставовствіи герцога; она называетъ любовь его еретичествомъ и съ полнымъ хладнокровіемъ отпорачивается отъ этого только наружнаго пыла. Она видитъ посланца герцога, слышитъ, какъ онъ тоскуетъ, но не видитъ, чтобы онъ самъ сдѣлалъ что нибудь лишняго въ пользу своего собственнаго дѣла. Она слышитъ, какъ предъизвѣщается требованіе, но она не находитъ въ этомъ для себя ничего

особеннаго, потому что онъ слишкомъ высокаго сава и это-то преимущество именно она и презираетъ въ герцогѣ. Если бы она сама не разсмотрѣла издали этого тоннаго высокострѣя ея царственнаго жениха въ его посланіяхъ, посредствомъ которыхъ онъ добивается ея любви, то развѣ она могла бы отдѣлаться отъ нихъ отказами и проволочками, развѣ она могла бы отвѣчать на нихъ такимъ рѣзкимъ отказомъ? Развѣ она не могла осмѣливать именно тотъ тонъ величія, которымъ онъ велитъ ей сказать, что онъ цѣнитъ не владѣнія и обрящаетъ вниманіе не на ея богатство? Вѣдь она все таки настолько далека отъ холодности и презрѣнія, что ея гордое пренебреженіе вызывается именно природою самого герцога, и невольно чувствуешь, что онъ самъ даетъ ей для этого достаточный поводъ.

Примѣръ Орсино показываетъ намъ, какъ чрезъ такое самообожаніе, такое медлительное уныніе, безцѣльное стремленіе и рождающееся отъ того полное бездѣйствіе терпятся самая къльи предметъ страсти. И поэтъ не пропустилъ случая этотъ примѣръ, или этотъ урокъ сдѣлать еще впечатлительнѣе посредствомъ поразительной противоположности. Шутъ не хуже Оливии понимаетъ болѣзнь герцога и предписываетъ противъ нея превосходное лѣкарство. «Такихъ людей, говорятъ онъ, надобно бы послать въ море, чтобы они занимались всѣмъ, не находя видѣ цѣли, потому что когда не знаешь куда идешь, то зайдешь нсего дальнѣе».

Въ противоположность этому существуютъ натуры, которыя предаются какой нибудь единственной склонности, забывая обо всѣхъ другихъ, бросаются прямо въ приключенія, не вдаваясь въ мечтанія и сохраняя нсю свѣжесть чувства. Такой образецъ представилъ Шекспиръ въ молодомъ Себастьянѣ: это совершенно неспорчевый, свободный духомъ юноша; онъ предпринимаетъ съ сестрою морскую поѣзду, претерпѣваетъ кораблекрушеніе, при чемъ оказывается нужнымъ по смѣлости, является предусмотрительнымъ въ опасности; будучи выброшенъ на землю, онъ съ теплою любовью описываетъ сестру, но, подобно сестрѣ, скоро составляетъ планъ своей ближайшей будущности и всегда является рѣшительнымъ, твердымъ, неутомимымъ, свободнымъ въ мысляхъ и поступкахъ. Беззаботно вътрисъ судьбу и своей доброй природѣ, беретъ онъ у капитана кончелекъ, не зная, чѣмъ онъ отдастъ за него, и тратитъ этотъ щедрый подарокъ только на то, чтобы освободиться отъ скучныхъ собесѣдниковъ; неурядицъ зачутанный въ приключеніе самаго удивительнаго, самаго волшебнаго свойства, онъ идетъ на него прямо съ свѣтлымъ чувствомъ, не оглядываясь назадъ; повлеченный въ ссору съ гуляками, онъ смѣло возвращаетъ полученные имъ удары и доказываетъ Оливию, что онъ сумѣетъ освободить ее отъ ея пустыхъ гостей. Очарованіе такой свѣжей и побѣдопосной натуры должна испытывать не одна Оливия. Поэтъ позаботился показать, что истиннаго чувство графини происходитъ не отъ женской слабости, потому что и мужчины совершенно раздѣляютъ его съ нелю. Твердый капитанъ Антоніо привязанъ такимъ же сильнымъ влеченіемъ дружбы и любви къ этому юности; онъ слѣ-

дигъ за пилъ, не смотря на опасность, угрожающую капитану въ вепріятельскомъ городѣ; онъ дѣлаетъ противъ пола для себя удовольствіе изъ этой опасности; онъ отдаетъ ему свою любовь безъ граицы и безъ возврата; онъ самъ пазываетъ волшебствомъ то, что влечетъ его къ этому юношѣ.

Невская противоположность герцогу и его притязательной любви является Віола съ ея безпригизательною, рѣшительною натурою, съ ея тихою, скрытою страстію. По свидѣтельству ея брата, всѣ паходятъ ее красавицей; герцогъ также находитъ ея губы нѣжными и розовыми, какъ у Діаны, и ея вѣжливый, чистый голосъ нравится ему еще въ то время, когда онъ видитъ ее въ платьѣ пажъ. — «Что душа ея прекрасна, — говоритъ Себастіанъ — въ этомъ должна созваться сама зависть». Она по своей беззаботной вагурѣ похожа на своего брата; даже въ несчастіи она не терится и, гдѣ нужно, проливаетъ въ себѣ свѣтлое чувство и сильный духъ, не утричивая при этомъ пѣзнаго качества своей женственной природы. Когда она была заброшена на негостепріимный берегъ Иліріи, ея первымъ желаніемъ было идти къ Оливіи, чтобы скрыть себя отъ свѣта, но когда ей сказали, что это невозможно, она идетъ въ мужскомъ платьѣ къ герцогу; она могла бы имѣть его своимъ мужемъ, во она сама себѣ сознается въ этомъ только однимъ бѣглымъ вздохомъ. Ей не приходится на умъ питать на него серьезную надежду; она исполняетъ его порученія съ самымъ серьезнымъ чувствомъ долга. Ея желаніе и интересъ, разумѣется, состоятъ въ томъ, чтобы увидать въ лицѣ возлюбленную ея возлюбленнаго. Какъ только увидала она ея красоту, она тотчасъ же смѣшаетъ рѣзкій топъ, съ которымъ она начала свое посольство, на трогательную серьезность. Она говоритъ Оливіи, что она сдѣлала бы на мѣстѣ герцога, чтобы не дать ей ни покоя, ни отдыха:

«У нашего порога,
Я выстроилъ бы хижину изъ павъ,
Вывалъ бы день и ночь къ моеи царци;
Писалъ бы пѣсню объ отверженной любви,
И громко пѣлъ бы ихъ въ тиши покоя;
Но жаль, что пронеслось бы ваше имя.
И это повторяло бы по горамъ:
Оливіи!»

Это именно то, чего не дѣлаетъ герцогъ передъ Оливіей! Онъ позволяетъ себѣ только говорить и слушать вѣжныя пѣсни, а молвитъ — влечитъ свое имя; онъ ведетъ только удивленную, подобную смерти жизнь; но жизни въ его любви не вѣщаетъ и сама Оливія. Что стала бы дѣлать Віола, еслибы была влюбленнымъ мужчиною, то дѣлаетъ она сама въ отношеніи къ герцогу, не въ той мѣрѣ, о какой она говоритъ отъ имени мужчины, не такъ напѣвательпо и пастойчиво, но тѣмъ съ немелынею, а еще съ большею глубиною и чувствомъ въ своемъ молчаливомъ терпѣніи. Такимъ-то образомъ она, такъ смывать, построила себѣ хижину, гдѣ живетъ ея душа, но живетъ въ этой хижинѣ съ тихою покорностію и безъ всякой требовательности. Тотъ мужчина, который ничего не могъ достигнуть у Оливіи, все болѣе и болѣе овладѣваетъ ея сердцемъ; его слова, которыя она слышитъ изъ устъ его самаго, дѣйствуютъ на нее совершенно иначе,

чѣмъ на Оливію, передаваемые ей его посланными. Потихоньку вкрадывается она, даже одѣтая мальчикомъ, въ сердце этого мужчины; она удивительно умѣетъ гопорить о страсти, которая мучитъ его, и ея тонкія замѣчанія находятъ у него пополненіе и объясненіе; ея вѣрная преданность оковыпааетъ его тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе онъ находитъ отвѣта на свое чувство у другой. Но при всемъ этомъ она въ пользу своей любви дѣлаетъ только то, что можетъ сдѣлать женщина ея характера въ подобномъ положеніи. Она могла бы дойти въ своей откровенности до того, что открыла бы Оливіи свой полъ, но до такого героизма не допускаетъ ея ни ея природа, ни ея любовь, и она довольствуется только тѣмъ, что предоставляетъ судьбѣ развязать этотъ узелъ. Между тѣмъ она умѣетъ сказать герцогу, что она никогда не полюбитъ такъ женщину, какъ его, и въ удобнѣйшій часъ, на случай, еслибы когда пибудь открылась тайна ея переодѣванія, она разсказываетъ ему исторію своего смиренного обожанія, передъ которою такъ страшно должна поблѣднѣть его любовь. Такъ и могло бы быть, еслибы она матервенно остановилась на этомъ. Но этого вѣтъ. Она тровута до глубины души и задѣта за живое словами Орсино о мимолетномъ отцвѣтаніи женщины; шутъ поетъ трогательную пѣсню, полную смертельной тоски; герцогъ даетъ ей новыя порученія для новаго выраженія безмѣрности его любви. Подлая волненія, она разсказываетъ ему исторію вымышленной сестры, которой душа была «неписанный листъ», у которой любовь и тайна этой любви, какъ червякъ, скрытый въ почкѣ, питалась пурпуромъ ея ланитъ, которая съ улыбною глядѣла на свою тоску, какъ гевій терпѣнія, изсѣченный на гробовомъ камнѣ. — «Скажите, — спрашиваетъ она его — развѣ это не любовь?» — И тотчасъ же вслѣдъ за этими слезы прерываютъ ея слова и она уходитъ. Исходъ этой сцены, одной изъ лучшихъ, написанныхъ Шекспиромъ, не нуждается ни въ какомъ объясненіи. Когда наконецъ Орсино лично встрѣчается съ Оливією, его мелкая любовь внезапно переходитъ въ ненависть и ревность; онъ хочетъ своего любимца принести въ жертву своему тщеславію. Онъ узнаетъ, что Оливія обвѣчана съ его любимцомъ и весь свой гнѣвъ обращаетъ на Віолу. Тутъ-то на этомъ, жаждущемъ любви сердцѣ, бывшемъ за минуту чистымъ, неписаннымъ листомъ, является во всемъ блескѣ благородная надпись и эта надпись: «Віола». Всю волшебную прелесть этого существа актриса еще болѣе можетъ выразить пѣмою игрою въ послѣдней сценѣ, въ которой она, полная женскаго стыда, свачала противится сдѣлать признаніе къ своему переодѣванію, а потомъ дѣлается вполнѣ счастливою предложеніемъ герцога, внезапно наувчившагося у нея скромной любви и языку этой любви.

Между этими тремя характерами стоитъ Оливія, какъ средоточіе всего дѣйствія съ своимъ менѣе простымъ характеромъ; отношеніе ея характера къ самолюбиво-важпой чертѣ характера герцога обрисовано чрезвычайно тонко и пѣжно. Иго станетъ изучать ее въ самомъ началѣ нѣзсы, тотъ, пожалуй, выведетъ заключеніе, что эта женщина съ необыкновенною эперією. Она опланиваетъ

смерть отца и брата, она хочет семь лѣтъ ходить подъ покрываломъ, чтобы лучше сохранить память объ умершемъ братѣ; удрученная скорбію, она груститъ въ уединеніи, словно въ монастырѣ; отъ общества мужчинъ она тоже отеклась. Сила чувства, приведшая ее къ такому рѣшенію, строгость жизни, которую хочетъ она вести, отражается на всемъ ея существѣ. Это высокая женщина, съ свободнымъ и серьезнымъ духомъ; она нерасположена сносить шутки герцогскаго посла, но довольно способна принимать обдуманныя, полныя значенія колкости шута; не довольно мужественная, чтобы рѣшиться показать не одними словами двери своему безпорядочному родственнику, поселившемуся въ ея домѣ, она все-таки заботливо поддерживаетъ порядокъ въ этомъ домѣ чрезъ своего пуританскаго дворецкаго. На ея печати изображена цѣломудренная Лукреція; она держитъ въ чести Мальволио, какъ усерднаго, честнаго слугу. Она ищетъ модныхъ нарядовъ, врагъ всѣхъ внутреннихъ и варужныхъ прикрасъ. Когда Віола называетъ себя ея слугою, она называетъ это низкою лестью. Способъ и манера, съ которыми она отказывается отъ предложенія герцога, могли бы дать поводъ заключить о ея гордости, сухости и даже ледяной холодности; такое заключение сдѣлали о ней Орсино и Віола; но въ томъ положеніи, въ которомъ находится она въ отношеніи герцога, надо разсмотрѣть основанія, которыя такъ важны въ подобномъ характерѣ. Она своимъ холоднымъ отказомъ вставляетъ герцога почувствовать холодность въ его, повидимому, столь пламенномъ предложеніи; она противопоставляетъ гордости сана гордость характера и кажется, что главною причиною ея отказа можно считать ея нежеланіе выйти замужъ за одного только герцогскія самъ; при этомъ она отказываетъ герцогу не безъ основанія: она нашла его любовь не совсемъ искреннею.

Она не такъ хорошо знаетъ герцога, какъ Віола; поэтому она не понимаетъ его гордости и въ отмщеніе за нее хочетъ воздать ему подобнымъ же презрѣніемъ. Это желаніе приводится въ исполненіе посредствомъ Віолы. Гордость Оливін должна придти къ такому же паденію, какъ и гордость герцога; одинъ съ своею поддальною страстью, которой, кажется, отчасти вредитъ гордость сана, теряетъ предметъ любви своей; другая, съ своею внезапно пробужденною страстью, побуждающею въ ней своею силою всю гордость ея характера, только послѣ продолжительнаго времени достигаетъ предмета любви. Какъ только Віола рассказала о томъ пути, по которому она пошла бы на мѣстѣ Орсино, то этотъ дышащій любовію тонъ тотчасъ же возжегъ пламень въ опротивѣломъ сердцѣ Оливін; тотъ же лучъ, который всыхиваетъ въ Віолѣ, переноситъ то же самое пламя и въ Оливію; она вдругъ дѣлается беспокойна и разсѣянна, спрашиваетъ о прибытіи слуги, посылаетъ ему кольцо и приглашаетъ его придти снова. Что она не горда отъ природы, это тотчасъ же выясняется; что она не холодна, это доказываетъ быстро вспыхнувшее въ ней пламя; но она слишкомъ далека отъ той чувствительной, глубоко-женственной натуры, которою Віола объясняетъ ея любовь. Съ такою же силою, съ какою она прежде выражала отказъ свой Орсино, преслѣ-

дуетъ она теперь эту возрастающую страсть. Оливія хочетъ предоставить судьбѣ дѣйствовать, но въ ту же самую минуту она руководитъ судьбою гораздо сильнѣе Віолы въ то время, какъ посылаетъ Віолѣ кольцо. Віолѣ удается вложить свою любовь, тоскливо скрывавъ ее; но Оливія должна сознаться, что самое сильное преступленіе можетъ обнаружиться, не такъ скоро какъ любовь, покорившая ее. Она мгновенно переходитъ отъ одвой крайности — нѣсколько напряженной меланхоліи и отреченія — къ другой крайности — пламенной страсти. Совершенно справедливо замѣтилъ герцогъ: «Та, которая такъ пѣжно оплакиваетъ брата, будетъ съ безкопечною любовью обожать властителя ея сердца». Умъ, добродѣтель и честь, гордость и самолюбіе, ничто не можетъ управлять въ ней этою страстію. Воплотивъ владѣя собою, она должна была бы сумѣть забавиться отъ ошибки отдать сердце недостойному ея. Чувство принципа борется въ ней съ любовью и ей представляется, что Віола невыгодно подумаетъ о ея чести, когда она пренебрегаетъ этимъ голосомъ; ея гордость становится на сторону ея чести, сана и разсудка и она всѣмъ вѣстѣмъ говоритъ ей противъ ея страсти. — «Такъ, стало быть, опять надо смѣяться!» — говоритъ она, собравшись съ силами. До сихъ поръ можно было бы подумать, что она играетъ и съ этою любовью, какъ съ любовью герцога, во имя гордости ея сана, и что она беззаботно и безопасно отъ всякихъ послѣдствій кокетничаетъ съ поставленнымъ низко въ сравненіи съ нею нажомъ и что она внезапно отвернется отъ него, какъ герцогъ отворачивается отъ нея. Но тутъ-то и видно, что любовь ея не изъ таковаго металла, какъ любовь герцога. Даже послѣднее оружіе противъ одолевшаго ее чувства, ея гордость нѣмѣетъ; она видитъ свою ошибку, но она упорно смѣется надъ всякимъ недостаткомъ. Она развила въ себѣ что-то подобное предприимчивому, смѣлому характеру Себастьяна, которому она приноситъ взаимное счастье.

— Любовь, которую ищешь, — говоритъ она, — хороша, но любовь, которую не ищешь, еще лучше. — Такую то любовь находятъ Себастьянъ въ ней и она въ Себастьянѣ. Конечно простой случай сводитъ ее съ Себастьяномъ, но поэтъ превосходно воспользовался этимъ случаемъ, чтобы оправдать неправоподобіе этого отношенія. Она встрѣчаетъ Себастьяна, будучи въ подневѣіи, въ гнѣвѣ, въ заботѣ о своей любви; она должна думать, что онъ, ея мнимый Цезаріо, въ такомъ же волненіи; ссора съ грубыми спутниками должна ей показать въ немъ болѣе мужественную, болѣе сильную натуру, которой она въ земъ прежде не видала. Этимъ опъ ей еще болѣе нравится. До сихъ поръ онъ противился ея любви, а теперь она находитъ его готовымъ раздѣлить эту любовь, что приводитъ ее въ опьяненіе отъ восторга. Въ своемъ разсѣянномъ безуміи, какъ она сама называетъ свое состояніе, она забываетъ все на свѣтѣ, а не только свое достоинство и свое благородное происхожденіе; ревнивая и неуверенная въ его сердцѣ, она неразрывно связываетъ съ собою посредствомъ брачнаго союза неожиданно встрѣченнаго ею милаго человѣка. Можетъ явиться мнута грусти и стыда за неприличіе въ ней этой любви,

но зритель уже знает, что эта смѣлая страсть истребила въ Оливіи всякую гордость, всякое тщеславіе сапа, даже насмѣшливость и такимъ образомъ пальма победы и счастья обезпечена.

Теперь остается указать нѣсколько словъ о шутѣ Фестѣ, которому поэтъ далъ въ этой пьесѣ совершенно особенное мѣсто. Онъ стоитъ совершенно ввѣ дѣйствія, шлѣ шры случая и страстей, приводящей въ движеніе пьесу; можно почти подумать, что поэтъ включилъ его въ нѣкоторыя мѣста не только затѣмъ, чтобы вывести на сцену остроумнаго говоруна, или, какъ шутъ самъ себя называетъ, слововыворачивателя.

Въ комедіи «Что вамъ угодно» шутъ является пѣицомъ по профессіи и поэтъ веселымъ и грустнымъ любовнымъ пѣсн, забавные дѣянія и трогательныя зрѣніа. Кроме того, онъ, умный глушецъ между глухими умниками, является, какъ беззаботный, рѣзвый, веселый товарищъ, въ слухомъ забытое общество. На одинъ шутъ у Шекспира такъ не сознаетъ своего достоинства, какъ этотъ. Онъ даже часто говоритъ еще чаще доказываетъ, что его шутовская мудрость не есть на самомъ дѣлѣ глупость, что напрасно зовутъ его дуракомъ, что клобукъ еще пѣдѣляетъ монахомъ, что его мозгъ не такъ пестръ, какъ его платье. Дѣла и рѣчи этого шута поэтъ не поставилъ въ близкое соотношеніе съ главною мыслию пьесы, но противнооставилъ его отдѣльнымъ лицомъ въ отдѣльных сценахъ. Въ этой пьесѣ, гдѣ представляется возможность дать урокъ, является потребность въ трудной обязанности шута, который могъ бы хорошо знать время, мѣсто, лица—предметъ его шутокъ, и который умѣлъ бы нускать свои стрѣмы во всякую слабость; такую-то именно роль поэтъ и заставляетъ играть здѣсь этого шута, способнаго на все. Шутъ этотъ—хамелеонъ, какъ онъ самъ говоритъ; онъ живетъ со всякимъ по своему, зная слабости всякаго, изучивъ природу всякаго и сообразуясь съ временемъ и обстоятельствами. Если кто-нибудь, Віола или герцогъ, хочетъ говорить съ нимъ о его госпожѣ, то онъ умѣетъ съ пріятностью выпроситъ у нихъ что-нибудь себѣ; когда онъ поетъ грустному герцогу, онъ тоже умѣетъ остаться не безъ награды, онъ проситъ даже его попросить не считать за любостыжательность. Онъ хвалится тѣмъ, что могъ бы быть хорошимъ хозяиномъ, хотя въ веселомъ обществѣ гулякъ онъ ведетъ себя немного сумазбродно, но все таки не такъ сумазбродно, чтобы не удалиться, когда между нами начинается кровавый споръ. Онъ умѣетъ различать время и мѣсто, равно какъ и лица. Съ близкими къ природѣ, свѣжими, свободными людьми, какъ напр. съ Себастьяномъ и Віолою, онъ тотчасъ же становится на дружескую ногу. Онъ отплачиваетъ Мальволио за презрѣніе, съ которыми тотъ говоритъ объ немъ и объ его ремеслѣ; онъ разыгрываетъ съ шимъ, хотя и въ безонасомъ удаленіи, злую шутку, которая должна просвѣтить его чванство, и въ послѣдствіи не скрываетъ отъ него этого. Андрею онъ говоритъ рѣзкія глупости, приносящаго того въ восхищеніе; что Серъ Тоби считаетъ его не за промѣру—это онъ знаетъ и тѣмъ хитрымъ и спокойнымъ смотритъ онъ на Марію; онъ готовъ назвать ее остро-

умнѣйшаго изъ всего женскаго пола, если она сумѣетъ отушить его отъ пьянства. Госпожѣ своей Оливіи онъ вѣрно предастъ; онъ не одобряетъ паприженія ея меланхоліи въ началѣ пьесы; переговоры между ею и герцогомъ онъ опредѣляетъ ясно и не глупо; онъ благопріятствуетъ начинающейся склонности ея къ Віолѣ-Себастьяну. Онъ хорошо видитъ измѣчивость настроенія герцогской души и ѣдко, хотя и не безъ добродушія, укоряетъ за это Орсино; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы еще прежде видѣли, онъ даетъ ему противъ этого лѣкарство, составляющее пѣрный ключъ къ душевнымъ отношеніямъ любящихъ характеровъ. По всему этому шутъ, искусно представляемый, можетъ быть комментариемъ ко всѣмъ значительнѣйшимъ мѣстамъ пьесы.

Подобно Виндзорскимъ проказницамъ и Укрощенію строптивой, пьеса *Что вамъ угодно*—чистѣйшая и самая веселая комедія. Въ *Комедіи ошибокъ*, въ *Понтеранномъ трудѣ любви*, въ *Какъ вамъ угодно*, въ *Много шуму изъ пустяка*, во всѣхъ этихъ пьесахъ встрѣчаются трагическіе моменты, которыхъ нѣтъ въ этой пьесѣ. Даже являющіяся въ началѣ, нѣсколько сентиментальными отношенія между влюбленными, скоро принимаютъ веселый оборотъ, благодаря ошибкамъ, происходящимъ отъ сходства Віолы и Себастьяна. Веселость и свобода пьесы идутъ такъ далеко, что Фабианъ даже объявляетъ, что ее можно представить на театрѣ, какъ нѣчто невѣроятное, и что глупость сэра Андрея годится для святочной шутки. Для святочного-то вечера, а именно для двѣнадцатаго вечера святокъ, или для вечера трехъ волхвовъ, или трехъ царей, и была назначена эта пьеса, какъ показываютъ при- даваемые ей также названія *Двѣнадцатая ночь*, или *Ночь трехъ царей*. Въ Англіи въ старину разыгрывались на святкахъ кукольные комедіи, представлявшія поклоненіе волхвовъ; на театрѣ ихъ замѣнили другія веселыя пьесы. Поэтому и эта пьеса полна веселости. На нѣмецкихъ сценахъ ее играютъ уже давно и съ большимъ успѣхомъ. Вѣрно понятая и хорошо разыгранная, полная красотъ даже въ самыхъ своихъ каррикатурахъ очертавіяхъ, пьеса эта производитъ невыразимое впечатлѣніе.

Но все-таки на нѣмецкихъ сценахъ пѣ представленіи этой пьесы не достаетъ англійскихъ традицій и особенно легкости игры и отсутствія всякой искусственной и язысканной передачи ролей. До сихъ поръ на англійскихъ сценахъ при представленіи Шекспировскихъ комедій—все въ самомъ живомъ движеніи и каждый актеръ, какъ у себя дома. Тамъ въ этихъ пьесахъ не бываетъ судлера и это заставляетъ актера вполнѣ владѣть своею ролью, что очень облегчаетъ ему достиженіе того, чтобы игра его казалась не игрою, а самою жизнью. Тутъ не должно быть ни замедленій въ отвѣтахъ, ни неуклюжаго растягиванія легкихъ сценъ, долженствующихъ просто летѣть одна за другою; реплика говорящаго должна совпадать съ отвѣтомъ слѣдующаго лица; уходъ со сцены долженъ быть таковъ, чтобы уходившій скрывался за кулисы съ послѣдними слогами его словъ; съ уходомъ должна тотчасъ же начинаться новая сцена, антракты должны быть только нѣсколько минутъ; такимъ образомъ—

пѣса быстро пронесется передъ нами и увлекаетъ насъ собою; рѣзкое обозначеніе каждаго отдѣльнаго положенія также глубоко впечатлѣвается въ душу. Но для этого нужно, чтобы каждая, даже второстепенная роль была отъ дана искуственному актеру; играющіе ни на одну минуту не должны оставаться праздными, они должны постоянно участвовать въ дѣйствіи согласно своему характеру и положенію, такъ чтобы и въ молчаливыхъ зритель видѣлъ дѣйствующія лица, а не артистовъ. Но отъ чего всего болѣе страдаетъ на нѣмецкихъ сценахъ исполненіе пѣснь Шекспира, такъ это отъ того, что въ лучшихъ нѣмецкихъ актерахъ замѣчается совершенный недостатокъ естественности и непринужденности. Ихъ гладкая, чуждая внутренней жизни, декламационная манера, съ которою они играютъ и комедіи и трагедіи, убиваетъ подобныя пѣсы, требующія, по самому своему тону, непосредственной натуры, и всей полноты жизни.

Съ нѣмецкою В. Р.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЦАРЬ.

(подражаніе Балладъ «Львиной царь»).

Кто этотъ несчастный? Измученъ, усталъ,
И силъ онъ лишился, и духомъ упалъ;
Стоитъ истомленный, убитый, худой...
То дѣлатель сцены, актеръ молодой.
— Художникъ! ты сталъ не похожъ на себя.
Скажи что съ тобою?—Искусство любя,
Хотѣлъ въ чистотѣ я его соблюсти,
Себя и толпу къ совершенству вести;
Соблазновъ избѣгнуть пѣдѣлся я.
Какъ вдругъ пошатнулась надежда моя.
Мнѣ публика разомъ заставила путь
И въ сторону хотѣла меня оттолкнуть.
Стоуста, всеяльна, безпечна, грозна.
Мнѣ рѣчи такія заводитъ она:
«Куда ты плешь? Ты на скользкомъ пути.
«Скорѣи осмотрился и съ него своротн!
«Не будь ни къ себѣ, ни къ искусству такъ строгъ;
«Лишь въ этомъ успѣха вѣрнѣйшій залогъ;
«Безъ этого самъ попадешь ты въ бѣду
«И я за тобою отношу не пойду».
— Художникъ! То голюсь пустой и пѣмой!
Повѣрь мнѣ: дорогой идешь ты прямой.
Не лѣзъ вазадъ—и толпа въ свой чередъ
Пойдетъ, за тобою, повѣрь мнѣ, впередъ.
Стоустымъ внушеньемъ ея не внимай
И къ избранной цѣли смѣлѣе ступай.
— «А кто тебя—публика мнѣ говоритъ—
«Ввѣмнѣемъ своимъ, какъ не я, подарить?
«Но это вниманье я чѣмъ лишь даю.
«Которые шлюдутъ недѣ дудку мою.
«Ты старая роль отъ сна не буди;
«Мнѣ душу на новыхъ роляхъ отведи.
«Возьмись за любую крикливую роль.
«И въ ней упражняйся на славу изволь.
«Не очень старайся, не слишкомъ трудись;
«Лишь въ кракъ, да въ штукахъ паяхъ, искусись;
«Не брезгай эффектомъ, бей въ уши, въ глаза,
«Да такъ, чтобы, меня прощамая слеза;
«А то твои колѣблемъ какимъ посмѣши...
«Ну, словомъ, подѣ дудку мою ты вляпни!»

— Художникъ! Не дайся на этотъ совѣтъ:
Онъ полонъ злорадства и смысла въ немъ пѣтъ.
Будь стойка! Уступокъ не дѣлай въ борьбѣ!
Тѣ роль—подводные камни тебѣ:
Ты вѣрную гибель себѣ въ нихъ найдешь.
Объ нихъ дарованіе свое разобьешь.
Въ роляхъ твоихъ нѣтъ смысла, нѣтъ правды сѣда;
За нихъ ты, повѣрь мнѣ, сгоришь отъ стыда.
Тебѣ-ль ве гвущаться всѣхъ криновъ и штукъ?
Нечистое дѣло для чистыхъ ли рукъ?
— Раскрыла опыты толпа мнѣ свои,
Меня обзываетъ ве хуже змиѣ,
Мнѣ на ухо шепчетъ: «Пужа тебѣ я;
«Въ рукахъ моихъ слава, подумай, твоя!
«За мною артистъ, какъ за твердой скалою.
«Что можетъ сравниться съ моею похвалою?
«И к-ль на награды еще не щедра?
«Пѣты различаю, какъ дождь пѣтъ ведра;
«Букеты, подарки—ты вѣдаешь самъ—
«Кому захоу я, тому и подамъ;
«Кому захоу я, тому и свѣщу.
«Служи мнѣ: я всѣмъ тебя, право, взыщу».
— Художникъ! Не слушай! То лѣ—не слова.
Отъ нихъ огуманется лишь голова.
Какой тебѣ толкъ отъ подобныхъ наградъ?
И самъ ты имъ будешь, повѣрь мнѣ, не радъ.
Ищи воздаянья въ себѣ лишь самому,
Совѣтуясь съ совѣстью, съ сердцемъ, съ умомъ....
Люби всего болѣе искусство свое!
Толпа тебя сгубитъ. Не слушай ее!
Ты самъ ей палачнымъ вожатая буди...
Художникъ рванулся, схватился за грудь,
Потрясъ головою, рукой замаяхалъ.
И голосомъ зычвымъ запѣлъ, закричалъ,
Паяпомъ ломаясь, вертѣлся вывономъ
И къ верху ногами пошелъ ходуномъ.

Не поэтъ.

С М Ъ С Ъ.

Въ бенефисъ учителя танцевъ московскаго театральнаго училища и танцовщика г. Фредерика будетъ поставленъ въ 1-й разъ на московской сценѣ балетъ Сен-Леона *Золотая коза, или балажная невеста*.

Слышно также о постановкѣ на московской сценѣ въ текущемъ сезонѣ оперы Сѣрова *Рогнеда*.

Г. Островскій, передѣлавшій уже въ оперныя либретто двѣ свои драмы *Гроза* и *Не такъ живи, какъ хочешь* (первую для г. Кашиперова, вторую для г. Сѣрова), передѣлываетъ также въ оперу и третью свою драму *Воевода*. Музыку для нея будетъ сочинять, г. Чайковскій, профессоръ московской консерваторіи Русскаго Музыкальнаго Общества.

Инспекторъ репертура московскихъ театровъ, г. Бѣгичевъ, возвратился изъ заграничнаго отъезда и вступилъ въ исполненіе своей должности.

Въ Петербургѣ ходятъ слухи, что г-жа Лебедева совсѣмъ отказалась отъ театра и до возмраженія г-жи Гранской пѣтъ-за границы, хотѣтъ апажировать на петербургскую балетную сцену, на три мѣсяца, съ жалованьемъ по тысячѣ рублей въ мѣсяцъ и полбенефиса, какую-то «прекрасную» танцовщицу г-жу *Салиони*.

Въ Петерб. *Вѣдомостяхъ пишутъ:* «Русская оперная труппа, какъ говорятъ, готовитъ въ предстоящій сезонъ много новостей, въ числѣ которыхъ называютъ «Лоэнгрипа» Вагнера. Говорятъ, кромѣ того, что опера «Жизнь за Царя» будетъ даваться съ новыми костюмами, изготовленными по рисункамъ г. Прохорова, которому оштрафный театръ обязанъ прекрасными костюмами къ «Рогнедѣ» Стрѣва. Наконецъ поговариваютъ о приѣздѣ пѣтъ Праги Палачева, съ величайшимъ успѣхомъ пѣвшаго на тамошнемъ театрѣ партію Сусанина въ оперѣ Глинки. Мы знаемъ пѣтъ достоярнаго постановка, что комедіи А. Потъ-хипа: «Винноватая» (первое дѣйствіе изъ нея шло въ прошедшемъ сезонѣ въ бенефисъ г. Васильева 2-го) допущена къ представленію.

По словамъ *Вилена*. *Вѣст.*, нынѣшней осенью будетъ дебютировать пѣтъ русской оперѣ въ Петербургѣ г. Биженчъ, обладающій сильнымъ и высокимъ баритономъ и съ успѣхомъ пѣвшій на многихъ сценахъ Италіи, идѣ онъ окончилъ свое музыкальное образованіе.

Военный совѣтъ, по представленію главнаго управленія регулярныхъ войскъ, положилъ: въ с.-петербургской консерваторіи Русскаго Музыкальнаго Общества учредить на будущее время одну постоянную стипендію для уроженцевъ войска Донскаго, съ отпускомъ на себѣ предметъ изъ войсковыхъ суммъ по 350 руб. въ годъ. Положеніе это, въ 14-й день іюня сего года, высочайше утверждено.

Одес. *Вѣст.* говорятъ, что игры укротителя звѣрей г. Крейнцберга не обошлись ему даромъ. «Вѣ, Глинневъ (куда онъ отправился пѣтъ, Одессы), по окончаніи одного

представленія, когда онъ вышелъ изъ кѣтки и принялся забавляться съ львами чрезъ рѣшетку, одинъ изъ львовъ откусилъ ему средній палецъ правой руки.

Христина Нильсонъ, очаровательная, блѣлокурая пѣвица Лирическаго театра, трехгодичный контрактъ которой кончается на дняхъ, покидаетъ Парижъ. Христина Нильсонъ не только самая красивая, но я самый даровитый изъ парижскихъ пѣвицъ. Газеты сообщаютъ слѣдующій анекдотъ изъ ея кратковременнаго пребыванія въ Мадридѣ. Она только что дала свое прощальное представленіе и отдыхала у себя въ комнатѣ, какъ вдругъ къ пей влѣзаютъ черезъ балконъ четыре человека въ черныхъ маскахъ. Перепуганная Христина падаетъ къ ихъ ногамъ, снимаетъ съ себя всѣ драгоценности и проситъ только пощадить ей жизнь. Но разбойники вѣжливо поднимаютъ ее и объявляютъ, что пришли не съ убійственными замыслами, что они ея поклонники и что имъ жизнь будетъ въ тягость, если они не услышатъ еще разъ ея дивнаго пѣнія. Скопченная Христина исполняетъ ихъ просьбу и поетъ такъ восхитительно, что разбойники, вѣ себя отъ восторга, надаютъ къ ея ногамъ и осыпаютъ ихъ вощаулами. Если таковы ея первые дебюты, что же будетъ, когда талантъ ея достигнетъ полной зрѣлости? Исторія Христины Нильсонъ очень проста. Дочь бѣдныхъ шведскихъ родителей, она съ раннихъ лѣтъ стала ходить съ уличными музыкантами. Голосъ ея обратилъ вниманіе высшихъ покровителей, которые занялись ея музыкальнымъ воспитаніемъ и привезли он для окончательнаго усовершенствованія въ Парижъ. Христина не только хороша собой, но и скромна; она говоритъ по французски, по италіянски и по англійски. Съ особеннымъ жаромъ воспоминаетъ она о дняхъ своего дѣтства. «Когда я разбогатѣю, — говоритъ она — и куплю себѣ, на роднѣ, клочекъ земли, который обезпечитъ бы будущность мою и моихъ родителей, и устрою въ родномъ городѣ школу пѣтъ для бѣдныхъ дѣтей. Люди были ко мнѣ такъ добры, что мнѣ хотѣлось бы заплатить имъ за это».

Редакторъ *А. Пашеновъ*. Издатель *Т. Ричъ*. (Редакція на Моховой, въ Голосинскомъ пер., въ д. Дурбанъ.)

ANNONCE.

JE FOURNIS immédiatement des SERVITEURS, que je connais personnellement.

JE RECOMMANDE des gouvernantes, des précepteurs et tous les gens de fonction, qui sont nécessaires dans tous les genres de l'industrie.

JE TROUVE des logements dans l'espace des 24 heures.

J'ACCEPTE des traductions dans toutes les nouvelles langues.

JE PRETE PAR COMMISSION jusqu'à 500 mille roubles sous gage des biens immeubles.

J'ESCOMPTE des lettres de change et très avantageusement.

JE PLACE DES FONDS pour des sûres entreprises.

JE VEND DES MAISONS avantageuses dans les meilleures localités de la ville.

JE VEND journallement toutes les gazettes par des NEN séparés aussitôt après l'arrivée des trains.

J. LEVACHEFF, Marchand à Moscou.

Mon emploi est ouvert tous les jours, près du pont des Marchaux, au Malcy-Kouznetsky pereoutok, maison Khomiakoff, vis-à-vis du magasin Foulka.

Печатано, съ дозволеніемъ цензуры, 27 августа 1867 г. въ типографіи издѣлывающихъ московскихъ театровъ (Т. Ричъ), у Мясницкихъ воротъ д. Воейкова.